

ХЭНРЫК ДУДА

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА ПРИ ОБУЧЕНИИ ПОЛЬСКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ*

Исследование языковой картины мира в Польше получило широкое развитие в последние двадцать пять лет. Главным и наиболее важным представителем этого направления является профессор Ежи Бартминьский из Университета им. М. Кюри-Скловской в Люблине. Его научные дос-

Др. габ. ХЭНРЫК ДУДА – заведующий Кафедрой польского языка Люблинского католического университета Иоанна Павла II, г. Люблин, Польша; почтовый адрес: Katolicki Uniwersytet Lubelski Jana Pawła II, Katedra Języka Polskiego, Al. Raławickie 14, 20-950 Lublin; e-mail: henryk.duda@kul.pl

* С ниже представленным текстом я выступал на международной конференции «РКИ в современной образовательной и геополитической парадигме», которая проходила 18-19 ноября 2010 г. в Москве в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова. В сокращении этот доклад был опубликован в книге *IV Международная научно-практическая конференция. Русский язык как иностранный в современной образовательной и геополитической парадигме. 18-19 ноября 2010 г. Тезисы докладов*, Москва 2010, с. 153-155. Поскольку не являюсь русским филологом, а занимаюсь польским языкознанием и при случае преподаванием польского языка как иностранного, я хотел бы объяснить причину моего участия в этой конференции. Самым главным поводом стала методика преподавания родственных языков. Можно предположить, что методы и проблемы изучения русского языка как иностранного будут похожи на те, с которыми мы встречаемся в Польше при изучении польского языка как иностранного. Делясь своими наблюдениями, мы можем многому друг от друга научиться. Доказательством того, что такой взгляд на изучение одного славянского языка с точки зрения изучения другого, может быть вдохновляющим, являются книги *Výuba slovenských jazykov ako cudzích v slovanskom prostredí – súčasnosť a perspektívy* (ред. G. Olchova, Banská Bystrica 2009), в которой содержатся материалы конференции, проходившей в апреле 2008 г. в Университете Матея Бела в Банской Бистрице в Словакии, или *Nauczanie języków pokrewnych* (ред. J. Baluch, M. Papierz, Kraków 2009), в которой представлены материалы конференции, посвященной изучению словацкого языка в Польше и польского в Словакии.

тижения известны также и в России¹ (в научный оборот в России работы Е. Бартминьского были введены С. М. Толст²). В России подобные исследования проводятся на протяжении уже многих лет³.

Картина мира, отраженная в языке, его структуре, лексике и использовании (практике), является важной составляющей любого акта общения.⁴ Об этом следует помнить и в процессе изучения, и преподавания иностранного языка. Следуя из дидактической практики, часто сталкиваемся с ситуацией, когда грамматически правильно составленный текст по каким-либо причинам – как говорится – «плохо звучит». Примером этого может быть польское предложение, которое я услышал из уст одного моего японского знакомого, который знает польский язык очень хорошо, почти как *native-speaker*:

Marszałek Piłsudski śpi na Wawelu.

Маршал Пилсудский спит на Вавеле.

С грамматической точки зрения это предложение построено правильно. Однако нельзя так сказать по-польски, хотя лексема *sen*, используемая во фразеологии и метафорике, связана со смертью (эвфемистически *zasnął w Panu* «умер», рус. *заснул в Господе*; *sen nieprzespany* (о смерти в VII Трене известного польского поэта Яна Кохановского)⁵, или по-чешски на надгробии на люблинском кладбище *Spij sladče, Milačku toj!*, то есть *Спи сладко, мой Любименький!*). Однако почему маршал Пилсудский не может *спать* на Вавеле? Почему мы должны говорить *похоронен* на Вавеле? Сказал ли мой японский знакомый это так из-за того, что в японском языке это предложение могло иметь вид *Piusutsuki gensuiha vaverujou-ni nemutte iru.* [ピウスツキ元帥はヴァヴェル城に眠っている。], в котором появляется глагол в форме соответствующей, например, англ-

¹ См. Е. Бартминьский, *Языковый образ мира: очерки по этнолингвистике*, Москва 2005.

² С.М. Толстая, *Этнолингвистика Ежи Бартминьского*, в: Е. Бартминьский, *Языковый образ мира: очерки по этнолингвистике*, Москва 2005, с. 9-22.

³ См. например: *Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира*, отв. ред. Б.А. Серебренников, Москва 1988; Б.А. Серебренников, *Роль человеческого фактора в языке: язык и мышление*, Москва 1988.

⁴ Наиболее краткое определение языковой картины мира дается, например, в: J. Bartmiński, *Językowe podstawy obrazu świata*, Lublin 2006, с. 11-21; *Językowy obraz świata*, ред. J. Bartmiński, Lublin 1992.

⁵ „Ujął ją sen żelazny, twardy, nieprzespany...” (J. Kochanowski, *Dzieła polskie*, изд. подгот. J. Krzyżanowski, Warszawa 1989, с. 567).

лийскому глаголу в продолжительном настоящем времени *nemutte iru* (инфинитив *nemuru*), который дословно означает «спать»?

Например, студенты Токийского университета иностранных дел (англ. Tokyo University of Foreign Studies, сокращенно: TUFS), которых я учил в 2004-2006 годах, уже на начальном этапе обучения спрашивали, почему по-польски говорят *lubię śliwki* «я люблю сливы» (дополнение в винительном падеже множественного числа), но *lubię agrest* «я люблю крыжовник» (дополнение в единственном числе). Ответ на этот вопрос можно свести к традиционной проблеме собирательных и несобирательных существительных, однако следующим будет вопрос – почему крыжовник относится к собирательным существительным, а сливы – нет⁶. То, что в стандартном польском языке сливы относятся к несобирательным существительным, а крыжовник к собирательным – это часть нашего стереотипного восприятия действительности, часть языковой картины мира. В данном случае проблема усугубляется тем, что в японском языке нет грамматической категории множественного числа, и у самых хороших студентов будут проблемы с использованием единственного и множественного числа, даже если им удастся овладеть трудными правилами образования множественного числа (окончания, альтернации, исключения). С проблемами этого рода встречаемся достаточно часто, нежели думаем. Например, поляк или русский при изучении английского языка не видит проблемы при изучении глагола *to wash* «мыть», «стирать». Проблема возникает у того, чей родной язык английский и он изучает славянский язык. Трудно этому человеку различать мытьё (сравните с польским *myję ręce, myję naczynia*, рус. *я мою руки, я мою посуду*) от стирки (сравните с польским *piorę ubranie*, рус. *стираю одежду*)⁷. Трём китайским лексическим единицам *huo, zhuo, guo* соответствует в русском и английском языке одна (*жить, to live*), в немецком языке две (*leben, wohnen*)⁸. У изучающих польский язык значительные трудности появляются при упот-

⁶ О собирательности : несобирательности с точки зрения когнитивности см.: H. Duda, *Kognitywna truskawka*, в: *Język polski. Współczesność. Historia*, т. VII, ред. H. Duda, W. Książek-Брюлова, M. Nowak-Barcińska, Lublin 2009, с. 33-41. Проблема появилась одновременно с упражнениями, которые приводились в подготовленном, изданном и используемом в этом университете учебнике для изучения польского языка для японцев: T. Ishii, B. Sieradzka-Baziug, *Z uśmiechem po polsku*, ч. 1-2, Tokyo 2006.

⁷ Пример Р. Гжегорчиковой, см. R. Grzegorzczkova, *Pojęcie językowego obrazu świata*, в: *Językowy obraz świata*, ред. J. Bartmiński, Lublin 1992, с. 39.

⁸ Подробнее: Т. Аошунан, *Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность*, Москва 2004, с. 15.

реблении глаголов *wiedzieć i znać* (в русском только *знать*, хотя оба языка из одной славянской семьи, сравните по-польски *Wiem, kto to jest Władimir Putin. Znam Władimira Putina.*, а по-русски *Я знаю, кто такой Владимир Путин. Я знаю Владимира Путина.*). Примеры этого типа широко известны. Из анализов Анны Вежбицкой стоит отметить, что в межкультурной коммуникации имеют место ключевые слова для данной культуры⁹, а также «стереотипы, живущие в языке»¹⁰, которые имеют тенденцию быть источником непонимания и дискриминации. С точки зрения глоттодидактики важным является каждое слово, каждая грамматическая конструкция, каждый идиом. Все эти элементы являются компонентами языковой картины мира, и все они могут привести к трудностям в правильном понимании иностранного текста.

С точки зрения глоттодидактических потребностей словарный запас можно поделить на несколько групп. К первой группе отнесем имена общей реальности (например: *солнце, небо, вода, отец, мать, брат, сестра* и т.д.). На начальной стадии изучения очень важны иллюстрации в учебниках, а также разные иллюстрированные словари. На этой стадии освоения иностранного языка этого будет достаточно. Однако со словами из первой группы могут появиться определенные проблемы. Позже – к сожалению, многие студенты никогда не достигают этого уровня – приходит момент, когда знание значения слова недостаточно. Так как слова имеют конотативное значение или же принадлежат к различным таксономическим порядкам. Например, даже если студент знает, что является десигнатом слова *солнце*, и, скорее всего, также знает его энциклопедическое значение, то наверняка, не знает, как это слово функционирует в контексте культуры изучаемого языка. Блестяще это показал Бартминьский при обсуждении способов определения слов в словарях¹¹. Если обратиться к другому примеру из работы ученого, то можем наблюдать, что василек – это растение, цветок или сорняк в зависимости от контекста культуры и соответствующей ему таксономии.¹² Просто указание са-

⁹ А. Вежбицкая, *Понимание культур через посредство ключевых слов*, Москва 2001.

¹⁰ J. Bartmiński, *Stereotypy mieszkają w języku. Studia etnolingwistyczne*, Lublin 2007.

¹¹ J. Bartmiński, *Definicja leksykograficzna a opis języka*, в: *Słownictwo w opisie języka*, ред. К. Polański, Katowice 1984, с. 9-19.

¹² J. Bartmiński, *Miejsce hiperonimu w definicji leksykograficznej*, в: *Words are Physicians for an Ailing Mind. Księga ku czci prof. A. Bogusławskiego*, ред. М. Grochowski, D. Weiss, München 1991, с. 45-50.

мого десигната недостаточно. В этой связи неудивительно и название статьи Анны Вежбицкой *Apples are not «kind of fruits»*¹³.

Хочу привести некоторые примеры из собственной дидактической практики. Мы в Польше называем Японию *Kraj Kwitnącej Wiśni*¹⁴. Любой поляк, который приедет в Японию, подумает, что в этой стране будет полно вишневого сока, джема, вишневого мороженого или вишневой настойки. Все это, конечно, можно приобрести в японских супермаркетах, но они не являются наиболее важными продуктами японской кухни, однако часто продаются вместе с импортными продуктами. В Японии – как мне сказал профессор Тецуширо Ишии, польский филолог из TUFs – «вишня цветет, но не плодоносит». Это не то дерево в обычном нашем понимании. Так что лучше было бы называть это дерево другим словом, может японским *sakura* [桜], чтобы избежать привносимого культурного багажа. Так в современном русском языке: *страна цветущей сакуры*, хотя встречается и *страна цветущей вишни* или *цветущих вишен*. А вот японцам, изучающим наши славянские культуры, необходимо объяснить значение нашей *вишни*. Любопытно, какое название носит японский перевод пьесы, написанной Чеховым «Вишневый сад»? *Вишневый* в Польше – это цвет *вишни* (самих плодов и сока). Однако японские студенты ассоциировали его себе с розовым цветом, с оттенком цветущей сакуры (японской вишни). Хорошо, что у польской (славянской) вишни похожие цветы.

Вторая группа включает в себя названия одной реальности, принадлежащей только одной культуре. Например, своим японским студентам мне нужно было объяснять, что такое *bigos*, *makowiec*, *piernik*, *pomidorowa*, и т.д.; с другой стороны у тех же самых студентов была проблема в объяснении мне, что такое *nori*, *onigiri*, *natto*, *kaki*, *nashi* и т.д.¹⁵ В дан-

¹³ A. Wierzbicka, *Apples are not «kind of fruits»: The semantics of humane categorization*, «American Ethnologist» 1981, vol. 11, N. 2, с. 313-328. Из выше представленных выражений этой группы каждый хотел какого-то культурного комментария, например, японское *mizu* [水] соответствует польскому *woda* или английскому *water* только в некоторых контекстах, в других эквивалентами этих слов является японское *yu* [湯] «горячая вода», *kaisui* [海水] «морская вода». Сравните: R.A. Miller, *Nihongo. In defense of Japanese*, London 1986, с. 124-128.

¹⁴ Вопрос числа (*kwitnącej wiśni*, gen. sing., а не **kwitnących wiśni*, gen. pl.) встречаем в статье Х. Дуды под названием *Kognitywna truskawka* (в: *Język polski. Współczesność. Historia*, т. VII, ред. Н. Duda, W. Książek-Bryłowa, M. Nowak-Barcińska, Lublin 2009, с. 33-41). В русском языке ожидалось бы скорее gen. pl: *цветущих вишен*?

¹⁵ Об обучении кулинарной лексики японских студентов пишет Б. Морцинек в статье *Tłumaczenie kultur – osvajanie kultur? Kilka uwag o kuchni*, «Spotkania polonistyk trzech krajów: Chiny, Korea, Japonia», ред. Т. Sekiguchi, Tokyo 2010.

ной ситуации иллюстрированный словарь и сами иллюстрации не были бы до конца полезны. Значение вышеупомянутых слов более или менее я понял во время длительного пребывания в Японии. Эти слова, с определенной точки зрения, очень близки к следующей группе, то есть к названию абстрактных понятий. Если кто-то никогда не пробовал *natto*, то рассказ для него об этом блюде будет рассказом о чем-то абстрактном, о чем-то, чему можно дать определение, но никогда физически не испытать. Разница только в том, что рано или поздно десигнаты из этой группы можно будет увидеть, дотронуться или попробовать.

Абстрактные названия в большей степени зависят от целой лексической системы. Функционирование в семантических полях, как правило, понимается по-разному в различных культурных кругах и типах текстов. Их понимание требует знания культуры и обычаев. Мне кажется, что лексика в этой области не может изучаться как базовая. Можно ее изучить путем ассимиляции основных текстов культуры – фильмов, музыкальных произведений, литературы, религии. Издатели предлагают определенное решение этой проблемы благодаря путеводителям по культуре и ключевым понятиям. Таким примером может быть книга Хорвата.¹⁶

Языковая картина мира отвечает также за использование и неиспользование определенных конструкций. Это сложнее заметить, поскольку эта тенденция не является ошибочной. Например, в японском языке всегда в свой дом, город, страну и т.п. человек *возвращается* (яп. *kaeru*). Японец, изучающий польский язык в Польше, практически всегда о себе скажет *wracam do Japonii* (*я возвращаюсь в Японию*) и его удивит вопрос *Kiedy Pan / Pani jedzie do Japonii?* (*Когда Вы едите в Японию?*).

Естественно не каждую ошибку можно объяснить влиянием языковой картины мира, хотя эта точка зрения может быть характерна для преподавателя, незнакомого с реалиями страны происхождения студента. Студент из Японии может сказать по-польски *piję zupę* (*я нью суп*). По-польски, как и по-русски говорят *jem zupę* / *я ем суп*. За это ошибочное использование глагола отвечает не столько облачение в языковую форму (языковая картина мира) способа приема супа, сколько японские реалии, т.е. способ подачи и употребления. Японский суп подают в глубоких мисках и, как правило, его пьют также как польский красный борщ – в

¹⁶ A. Horvat, *Japanese beyond words: how to walk and talk like native speaker*, Berkeley 2000.

этом случае по-польски говорят *wypić barszcz* (*выпить борщ*) или как в случае бульона в России, если его подают в чашках – *выпить бульон*.

В книгах, написанных носителями языка, порой встречаются определенные реалии их культуры и наблюдается игнорирование реалий культуры тех, кому предназначен данный учебник. Примером может служить цвет ваших глаз. Вопрос о цвете глаз довольно хлопотный для студентов из Юго-Восточной Азии. Вот одно из таких упражнений:

- *Какого цвета глаза у твоего брата?*
- *У моего брата _____ глаза.*

Упражнения такого рода не получится выполнить в аудитории, так как у большинства из них темный цвет глаз. С другой стороны мы не сможем найти вопросы о физических характеристиках, которые важны для представителей тех культур.

С другой стороны, не найдем вопросов на эти физические характеристики, которые важны для представителей других культур, например, веки наших глаз имеют сгиб, а у большинства японцев нет этого изгиба. Этот первый тип век называется *futae* (二重), а второй *hitoe* (一重). Существует еще промежуточный тип, который на японском языке звучит *okubutae* (奥二重). Перспектива над- или межкультурного изучения языка как иностранного, казалось бы должна не только научить иностранцев, как в Польше говорим о глазах, но также дать им такой словарный запас, который позволил бы им свободно говорить о реалиях своей культуры. Очень часто это просто невозможно. Удобных или подходящих эквивалентов приведенных здесь названий мне не удалось найти. Среди англоязычных иностранцев в Японии можно услышать *single eyelid*, *single layer*, *single cerases*, чтобы определить первый тип век, и соответственно *double eyelid*, *double layer*, *double creases*, что дословно означает «одинарный (двойной) слой, складка, веко». Таких выражений мы не употребляем, а фраза, что у европейцев двойные веки будет звучать не серьезно, даже смешно (что за монстры с двойными веками!). Конечно, как лингвист, я знаю, что если начнем так говорить, то со временем это перестанет пугать и войдет в обыденность. Но как учитель польского языка в Японии я не могу ждать. Мне нужен ответ сейчас. Мои ученики не могут ждать.

В стилистических исследованиях в Польше выделяют два направления – традиционный, стилистически-ситуационный (варшавская школа) и направление более широкое, антропологически-культурное (опольская

школа).¹⁷ Представители второго направления понимают разговорный стиль как центр всего функционального разнообразия языка вместе с их деривационными базами. Такое понимание стиля является отражением способа познания мира, повседневного мышления, обычной картины мира. «Обыденность не есть явлением поверхностным, касается она не только форм выражения, а заключается в более глубоком слое языка, в сфере значения и сфере познания реальности, а так же задевает сферу человеческого поведения».¹⁸ В рамках этого подхода понимание текста – это его перемещение в разговорную категорию. Это утверждение находит свое отражение в таких разговорных польских выражениях как: *przełożyć z polskiego na nasze* «перевести из польского языка на наш», *opowiedzieć coś swoimi słowami* «рассказать что-то своими словами», *mówić ludzkim językiem* «сказать по-человечески» etc.¹⁹ «Употребляя такие фразеологические выражения – пишет Бартминьский – имеем в виду именно употребление разговорного стиля к экспликации трудных для понимания выражений. Выражения *наше, свое, человеческое* указывают на то, что разговорный стиль опирается на условия натуральности и приспособлении к опыту более близкому для человека».²⁰

Это очень важно с точки зрения глоттодидактики. Тот, кто изучает иностранный язык, учит новые слова или идиомы, новые грамматические конструкции, которые относятся к разговорному стилю, его ментальным категориям и стоящей у его основания языковой картины мира. Однако это ЯКМ родного языка, а не изучаемого. Именно поэтому рождаются ошибки, о которых идет речь.

Эти и подобные примеры приводят к выводу, что при изучении иностранного языка и обучении иностранному языку ЯКМ играет очень важную роль. Об этом следует помнить как студентам (в особенности тем, которые находятся на высоком уровне изучения языка), так и учителям. Как считает Т. Лисовский, мой познанский коллега, который на протяжении нескольких лет был преподавателем польского языка в Университете иностранных языков Хангук в Сеуле (Южная Корея, англ. Hankuk University of Foreign Studies, сокращенно: HUFSS):

¹⁷ J. Bartmiński, *Styl potoczny*, в: *Współczesny język polski*, ред. J. Bartmiński, Lublin 2001, с. 131.

¹⁸ Там же, с. 119.

¹⁹ Там же, с. 116.

²⁰ Там же.

Знание различных языковых систем и различных культурных парадигм не может быть заданием односторонним, которое касается только студентов. Так же преподаватель поляк должен приложить массу усилий, чтоб узнать, понять, полюбить культуру, ментальность и язык своих студентов. Без этого усилия со стороны польского преподавателя не может быть и речи о завоевании доверия со стороны студентов, а в последствии и научно-дидактических успехах его миссии.²¹

Подобные примеры указывают на то, что языковая картина мира имеет огромное значение для овладения иностранным языком. Об этом должны помнить как преподаватели, так и студенты, в особенности те, кто находится на продвинутом уровне изучения языка. Наблюдение за усваиванием иностранного языка, ошибками изучающих язык и преподающих его дает обширный материал по картине мира, которая отражается в изучаемом языке, его структуре, лексике и при его использовании (узусе) исследователями этой темы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- А о ш у а н, Т.: Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность, Москва 2004.
- Б а р т м и н ь с к и й, Е.: Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике, Москва 2005.
- В е ж б и ц к а я, А.: Понимание культур через посредство ключевых слов, Москва 2001.
- Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира, отв. ред. Б.А. Серебренников, Москва 1988.
- С е р е б р е н н и к о в, Б.А.: Роль человеческого фактора в языке: язык и мышление, Москва 1988.
- Т о л с т а я, С.М.: Этнолингвистика Ежи Бартминского, в: Е. Б а р т м и н ь с к и й, *Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике*, Москва 2005, с. 9-22.
- Б а р т м и ń s k i, J.: Definicja leksykograficzna a opis języka, в: *Słownictwo w opisie języka*, red. K. Polański, Katowice 1984, с. 9-19.
- Б а р т м и ń s k i, J.: Miejsce hiperonimu w definicji leksykograficznej, в: *Words are Physians for an Ailing Mind. Księga ku czci prof. A. Bogusławskiego*, red. M. Grochowski, D. Weiss, München 1991, с. 45-50.
- Б а р т м и ń s k i, J.: Językowe podstawy obrazu świata, Lublin 2006.
- Б а р т м и ń s k i, J.: Stereotypy mieszkają w języku. *Studia etnolingwistyczne*, Lublin 2007.
- Б а р т м и ń s k i, J.: Styl potoczny, в: *Współczesny język polski*, red. J. Bartmiński, Lublin 2001, с. 115-134.
- Д у д а, Н.: Kognitywna truskawka, в: *Język polski. Współczesność. Historia*, t. VII, red. H. Duda, W. Książek-Bryłowa, M. Nowak-Barcińska, Lublin 2009, с. 33-41.

²¹ Т. L i s o w s k i, *Lingwistyczne i kulturowe uwarunkowania nauczania języka polskiego w Departamencie Polskim Hankuk University of Foreign Studies w Seulu*, в: *Studia polonistyczne w Azji*, ред. C h e o n g Byung Kwon, Yongin [Южная Корея] 2007, с. 128.

- Grzegorzyczkowa, R.: Pojęcie językowego obrazu świata, w: *Językowy obraz świata*, red. J. Bartmiński, Lublin 1992, c. 39-46.
- Horvat, A.: Japanese beyond words: how to walk and talk like native speaker, Berkeley 2000.
- Ishii T., Sieradzka-Baziur, B.: Z uśmiechem po polsku, cz. 1-2, Tokyo 2006.
- Językowy obraz świata, red. J. Bartmiński, Lublin 1992.
- Kochanowski, J.: Dzieła polskie, oprac. J. Krzyżanowski, Warszawa 1989.
- Lisowski, T.: Lingwistyczne i kulturowe uwarunkowania nauczania języka polskiego w Departamencie Polskim Hankuk University of Foreign Studies w Seulu, w: *Studia polonistyczne w Azji*, red. Cheong Byung Kwon, Yongin [Южная Корея] 2007, c. 117-128.
- Miller, R.A.: Nihongo. In defense of Japanese, London 1986.
- Morcinek, B.: Tłumaczenie kultur – osvajanie kultur? Kilka uwag o kuchni, w: *Spotkania polonistyki trzech krajów: Chiny, Korea, Japonia*, red. T. Sekiguchi, Tokyo 2010.
- Nauczanie języków pokrewnych, red. J. Baluch, M. Papierz, Kraków 2009.
- Výučba slovanských jazykov ako cudzích v slovanskom prostredí – súčasnosť a perspektívy, red. G. Olchova, Banská Bystrica 2009.
- Wierzbicka, A.: Apples are not «kind of fruits»: The semantics of humane categorization, "American Ethnologist" 11(1981), No. 2, c. 313-328.

JĘZYKOWY OBRAZ ŚWIATA W NAUCZANIU JĘZYKA POLSKIEGO JAKO OBCEGO

Streszczenie

Odbity w języku, jego strukturze, leksyce i użyciu (uzusie) obraz otaczającej mówiących rzeczywistości – jak najkrócej można zdefiniować językowy obraz świata (JOŚ) – pełni bardzo ważną rolę w każdym akcie komunikacji. Nie można o nim zapominać również w trakcie uczenia się i nauczania języka obcego. Jest on bowiem źródłem licznych błędów, szczególnie leksykalnych. Autor artykułu pokazuje to na przykładach z literatury przedmiotu oraz z własnej praktyki dydaktycznej.

Językoznawcom obserwacja procesu przyswajania języka obcego, błędów popełnianych przez uczących się i nauczycieli, może natomiast wiele powiedzieć nie tylko o językowym obrazie świata w poznawanym języku, lecz także – przez kontrast – w języku ojczystym badacza.

Słowa kluczowe: językowy obraz świata, język a myślenie, nauczanie leksyki, realia i nazwy abstrakcyjne w nauczaniu języka obcego, nauczanie języka polskiego jako obcego.

A LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD IN TEACHING POLISH AS A FOREIGN LANGUAGE

Summary

The picture of the reality surrounding us reflected in the language, its structure, lexis and usage – as the linguistic picture of the world may be defined in the shortest way – plays a very important role in any act of communication. It may not be forgotten also in the course of learning and teaching

a foreign language. This is because it is the source of numerous mistakes, especially lexical ones. The author of the article shows this on examples taken from the literature of the subject as well as from his own didactic work.

Observing the process of acquisition of a foreign language, and of the mistakes made by both learners and teachers, may tell linguists a lot not only about the linguistic picture of the world in the language being learned, but – through contrast – in the researcher's mother tongue.

Key words: linguistic picture of the world, language vs. thinking, teaching lexis, realities and abstract names in the teaching of a foreign language, teaching Polish as a foreign language.

Translated by: Tadeusz Karłowicz